

А. Я. Флиер¹**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ**

Как известно, социокультурное состояние локальных сообществ (народов) не является постоянным, исторически неизменным. С течением времени многие параметры этого состояния меняются, что фиксируется по всему комплексу внешних проявлений, которые в совокупности называются «культурой того или иного народа». Культура и последовательность ее изменений представляют собой наглядное выражение прожитой истории всякого общества. Такая изменчивость может иметь как заметную динамику, так и замедленный темп, с трудом различимый в ходе наблюдений. Вместе с тем, в любом развитии, помимо признаков прогресса (то есть структурного и функционального усложнения), наблюдается еще и ряд закономерностей исторической изменчивости, о которых я хочу рассказать.

Первая закономерность заключается в том, что в ходе исторического развития общества углубляется уровень специализированности в деятельности людей. С каждой новой эпохой человек-деятель утрачивает навыки универсала, владеющего всеми технологиями, применяемыми в данной области социальной практики, и становится все более узким специалистом, владеющим технологиями только в какой-то локальной специализации этой области. Одновременно увеличиваются и глубина его познаний, и качество профессиональных навыков. На примере медицины или инженерной деятельности этот процесс наблюдается наиболее наглядно. Эту тенденцию еще в конце XIX века выявил Эмиль Дюркгейм и объяснил ее причины последовательным усложнением технологий в любой сфере деятельности, что требует более узкой специализации работника.

Однако эта тенденция приводит и к определенным социокультурным следствиям. Благодаря углублению специализации нарастает темп и объем изменений, новаций, усовершенствований в любой области деятельности. Это происходит потому, что работа узкого спе-

циалиста постепенно обретает все более творческий, рационализаторский характер, что становится одной из осмысленных задач его профессиональной практики. В некоторых сферах мало-помалу стирается четкая граница между работой специалиста-исполнителя и специалиста-исследователя. Понятно, что в разных профессиональных областях эта тенденция развивается с разной интенсивностью.

Благодаря этому темп изменчивости культуры в ходе истории в целом нарастает. В области экономики это явление называется научно-технической революцией. Но и в искусстве мы наблюдаем такую же нарастающую динамику перемен художественных стилей, в науке — ускоряющуюся смену принципов и парадигм познания и обобщения, в социальной жизни — эволюцию от кровнородственных отношений сначала к религиозно-политическим, а затем к национально-политическим и социально-культурным отношениям, и так во всем. Отмеченная тенденция охватывает практически все области жизни, постепенно вытесняя традиционную модальность социального бытия в маргинальное поле этого бытия.

Таким образом, мы видим, что в полном соответствии с возрастающим темпом социального развития общества нарастает темп изменчивости его культуры. Это объясняется процессом углубления специализации в деятельности людей и нарастанием творческого характера этой деятельности.

Другая закономерность социокультурной динамики заключается во взаимозависимости темпов социокультурного развития общества и уровня локальной самобытности его культуры. Мы хорошо знаем, что все этнические, а затем и национальные культуры отличаются более или менее выраженной самобытностью своих конкретно-исторических черт, благодаря которым мы и различаем эти культуры между собой и в связи с чем на конкретно-историческом уровне обобщения следует говорить не о культуре вообще, а о множестве различных самобытных культур.

Однако рассмотрение этого явления в исторической динамике показывает, что степень выраженности локальной культурной самобытности того или иного общества в существенной мере определяется темпом его социального развития. Когда динамика развития

¹ Профессор Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 400 научных работ, в т. ч.: «Очерки теории исторической динамики культуры», «Культурология для культурологов», «Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса» (в соавт.), и др.

общества ускоряется, понижается уровень его культурной самобытности; при замедлении темпа социального развития возрастает культурная специфичность. То, что за ускорение динамики развития приходится расплачиваться потерей изрядной доли традиционной культурной специфичности, мы хорошо знаем на примерах реформ Петра Великого в России, революции Мэйдзи в Японии, реформ Кемала Ататюрка в Турции и др. То, что усиление культурной самобытности сопряжено с застоем в социальном развитии, мы также можем наблюдать в собственной истории на примере Московского царства или по некоторым периодам истории Китая (например, эпоха Цинь).

Мне представляется, что культурная самобытность — это отнюдь не обязательная форма существования культуры, а ее частный случай, детерминированный особыми историческими обстоятельствами, прежде всего социальной самодостаточностью локального сообщества. Но в ходе индустриального и постиндустриального развития обществ их социальная самодостаточность начинает сдерживать прогресс во всех сферах жизни. В противовес этому нарастает обмен информацией, опытом и знаниями между народами, коммуникативные барьеры размываются и при этом снижается функциональная значимость культурной самобытности и черты ее выраженности. Чем выше темп социального развития, тем активнее протекает этот процесс.

Вместе с тем полное исчезновение локальной культурной самобытности в перспективе представляется маловероятным. Все общества социально неоднородны. И в каждом обществе всегда будет существовать прослойка людей, обладающих пониженной конкурентоспособностью в любой деятельности, особенно в наиболее новационных ее направлениях, которые условно можно назвать социальными аутсайдерами. Именно для этих людей демонстрация местной самобытности останется основной формой их культурного самовыражения.

Третья закономерность социокультурной динамики, которую я хочу рассмотреть, заключается во взаимозависимости между уровнем социокультурного развития общества и параметрами социальной свободы человеческой личности. Эта взаимозависимость выражается в том, что по мере социального развития общества и усложнения его социальной структуры поэтапно ослабевает социальный контроль над человеческой личностью, и она получает больший простор для своей социальной и культурной самореализации, то есть большую социальную свободу. Уровень жесткости социального контроля над индивидом в общностях первобытной стадии развития, что выражалось в многочисленных табу, ритуалах, обрядах и прочем, был существенно выше, чем контроль сельской общины над земледельцем аграрной эпохи, выраженный в системе этнографических и религиозных обычаев и сословных ограничениях. Такой контроль еще больше сокращается по отношению к горожанину индустриальной эпохи, который уже имеет определенные гражданские права и пользуется узаконенными политическими свободами. На постиндустриальной стадии развития получает

приоритет свобода культурного самовыражения человека. Вектор развития ситуации в направлении расширения социальной свободы индивида здесь совершенно очевиден.

Чтобы понять социальную обусловленность этого процесса, нужно представить себе человеческую культуру как одну из программ социального поведения живых существ. Социальное поведение животных регулируется в основном системой инстинктов, которые транслируются генетически и задают комплекс типовых реакций на типовые жизненные ситуации. В ходе антропогенеза популяционные животные инстинкты в существенной мере были вытеснены другой программой социального поведения — этническим обычаем. Обычай по существу представляет собой аналог инстинктивного поведения; он также построен на типовых реакциях на типовые жизненные ситуации, но его информационной основой являются, по всей видимости, архетипы сознания и ментальности, которые не наследуются генетически, а передаются посредством подражания (импринтинга) от родителей к детям. Разумеется, важнейшую роль в наследовании обычаев играет и процедура специального обучения детей устоявшимся правилам поведения. На этой трансляции обычаев и была построена традиционная культура первобытной и аграрной эпох. Жизнедеятельность сельских работников в деревне, составлявших абсолютное демографическое большинство населения ранних исторических эпох, в принципе не требовала иной, более сложной поведенческой программы.

Ситуация принципиально изменилась с переходом на индустриальный уровень развития, и особенно с началом масштабной урбанизации. Жизнь в индустриальном городе уже не может быть надежно обеспечена типовыми реакциями на типовые ситуации. На смену обычаю приходит другая поведенческая программа — система рационального поведения. В отличие от обычая и его императивных установок рациональное поведение определяется самим человеком, его разумом и ограничено достаточно абстрактными законами, регулирующими поведение в экстремальных ситуациях. Право человека на рациональное поведение, определяемое его разумом, — это и есть свобода. Доверие общества разуму человека ведет к постепенному ослаблению социального контроля над его поведением, невмешательству в его личную жизнь, внешний имидж и прочие индивидуальные проявления, не представляющие опасности для окружающих.

Итак, на протяжении человеческой истории мы можем наблюдать смену программ социального поведения *Homo sapiens*, воплощаемых и выражаемых в культуре: от популяционного инстинкта, преобладавшего на стадии антропогенеза, к этническому обычаю, регулировавшему поведение людей на первобытной и аграрной стадиях, и далее к свободному рациональному поведению членов гражданского общества на индустриальной и начинающейся постиндустриальной стадиях социальной эволюции. И это прямое следствие социального развития, которое проходит общество в ходе своей истории.

Приведенные три примера, конечно, не исчерпывают все закономерности, регулирующие социокультурное развитие, но позволяют спрогнозировать некоторые тенденции обозримого культурного будущего. В нем можно ожидать, во-первых, ускорение темпа перемен культурных форм, стилей, порядков. Во-вторых, понижение актуальной значимости национальной самобытности культуры, постепенно превращающейся в специфическую субкультуру традиционалистской части населения. И, в-третьих, в качестве определен-

ной компенсации снижения значимости национального начала следует ожидать повышения роли и значимости индивидуального начала в культуре, уже не только в художественной, что фактически наблюдается со времен Ренессанса, но и в социальной.

Этот прогноз касается обозримых культурных перспектив развитых постиндустриальных стран. Актуальность этого прогноза для России будет зависеть от темпов и особенностей ее постиндустриального развития.